

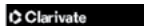
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(6), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Тарвердиева С. Е. Образ «успешная женщина» в романе М. Метлицкой «Женский день» / С. Е. Тарвердиева // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 6. — С. 333—348. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-333-348.

Tarverdiyeva, S. E. (2026). Image of “Successful Woman” in M. Metlitskaya’s Novel “A Woman’s Day”. *Nauchnyi dialog*, 15 (6): 333-348. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-333-348. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ «успешная женщина» в романе М. Метлицкой «Женский день»

Тарвердиева Сабина Елмар гызы
orcid.org/0009-0001-9408-2099
кандидат филологических наук,
доцент,
кафедра истории
русской литературы
s.y.tarverdiyeva@gmail.com

Бакинский славянский университет
(Баку, Азербайджан)

Image of “Successful Woman” in M. Metlitskaya’s Novel “A Woman’s Day”

Sabina E. Tarverdiyeva
orcid.org/0009-0001-9408-2099
PhD in Philology,
Assistant Professor,
Department of History
of Russian Literature
s.y.tarverdiyeva@gmail.com

Baku Slavic University
(Baku, Azerbaijan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается репрезентация образа «успешной женщины» в современном русском женском романе на примере произведения Марии Метлицкой «Женский день». В основе анализа лежит концепция Дж. Г. Кавелти о формульном характере произведений массовой культуры. Выдвигается тезис о конвергенции характеристик успешной женщины в литературе и медиа-дискурсе, основывающейся на повторении определенных формул. Выявлены сюжетные формулы, структурирующие повествование об успешной женщине в романе Метлицкой: семья, любовь, карьера. Доказано, что семейные истории героинь конструируются в соответствии с формулами проблемных отношений матери и дочери, чувства долга женщины, детской травмы; любовные отношения репрезентированы формулами разочарования в результате адюльтера, отношений с эмоционально травмированным мужчиной и др. Автор приходит к выводу, что во многом карьера успешной женщины обусловлена детским семейным и любовным сценарием. Выделены композиционно-психологические элементы жанра: саморефлексия героинь, эскапизм, а также декларируемая исключительность, противопоставляемая обыденности. Показано, что образ «успешная женщина» представлен в романе амбивалентно и парадоксально, противопоставлен собирательному образу «обычная женщина».

Ключевые слова:

женский роман; женская проза; М. Метлицкая; литературные формулы; образ «успешная женщина».

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the representation of the “successful woman” archetype in contemporary Russian women’s fiction, using Maria Metlitskaya’s novel *Women’s Day* as a case study. The analysis is grounded in John G. Cawelti’s concept of the formulaic nature of romance fiction. The authors advance a thesis on the convergence of characteristics defining a successful woman in literature and media discourse, which is predicated on the repetition of specific narrative formulas.

The study identifies plot formulas that structure the portrayal of the successful woman in Metlitskaya’s novel across three domains: family, romantic relationships, and career. It is demonstrated that the heroines’ family histories are constructed according to formulas of problematic mother-daughter dynamics, the motif of female obligation, and childhood trauma. Romantic relationships are represented through formulas of disillusionment resulting from infidelity and involvement with emotionally unavailable or traumatized men. The authors conclude that the professional trajectory of the successful woman is largely predetermined by her formative familial and amorous scenarios. Distinct compositional and psychological elements of the genre are identified, including heroines’ self-reflection, escapism, and professed exclusivity contrasted with ordinariness. The image of the “successful woman” is shown to be portrayed ambivalently and paradoxically within the novel, positioned in opposition to the collective archetype of the “ordinary woman”.

Key words:

romance novel; women’s prose; Maria Metlitskaya; literary formulas; successful woman.

УДК 821.581'37+821.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-333-348

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.3. Теория литературы

Образ «успешная женщина» в романе М. Метлицкой «Женский день»

© Тарвердиева С. Е., 2026

1. Введение = Introduction

Одним из центральных образов российской женской прозы в литературном пространстве XXI века стал образ «успешной женщины», которая является основной фигурой произведений разных жанров, от детектива (например, серия произведений Д. Донцовой «Любительница частного сыска Даша Васильева») до любовного романа. В любовной женской прозе основная линия часто строится на разрушении привычного мира и завоевании героиней «места под солнцем», например, в романе Е. Вильмонт «Хочу бабу на роликах!», где героиня проходит путь от рухнувшего брака до успешной карьерной и личной самореализации. Другим сюжетным вариантом является не только завоевание, но и сохранение женщиной собственной успешности несмотря на влияние негативных событий, примером может служить роман М. Метлицкой «Женский день»: все героини — успешные замужние женщины, которые в результате разоблачения их тайн, подвергаются риску потери своего благополучия. Объединяющим мотивом современных историй женщин в любовном романе можно назвать формулу «не благодаря, а вопреки», поскольку успешность героинь чаще всего основывается на преодолении препятствий: вопреки предательству, несчастному детству, бедности и др. Как отмечают исследователи, в конце XX века «благодаря кинематографу, телевидению, рекламе, Интернету возникла новая оптика видения человека <...> В фокусе внимания массовой литературы стоят, как правило, не эстетические проблемы, а проблемы репрезентации человеческих отношений, которые моделируются в виде готовых игровых правил и ходов» [Черняк, 2004, с. 122]. В современной женской прозе исследуются «социально-психологические и нравственные вопросы жизни современного человека, без обсуждения внешних факторов, но буквально проникая в его внутренний мир» [Горжая, 2020, с. 177]. В то же время, как отмечают исследователи, «русская литература всегда ставила проблему осмысления “женского вопроса”, то есть вопроса о социально-экономическом положении женщины, ее месте в семье, о праве на творчество» [Гибатуллина, 2010, с. 995].

Цель данного исследования состоит в выявлении особенностей сюжета женской истории об успешных женщинах и характеристик их образов в романе Марии Метлицкой «Женский день». Образ «успешной женщины» как объект исследования рассматривается учеными в разных аспектах: в качестве концепта, медийного образа, межкультурного феномена и др. В то же время этот образ на материале художественной литературы изучался мало. Мы нашли в НЭБ-РИНЦ только одну статью о языковой экспликации невербальных компонентов образа успешной женщины [Айтекова, 2024], поэтому можно говорить о новизне предлагаемого исследования.

Публикаций, посвященных М. Метлицкой, также выявлено на указанном научном ресурсе немного. Исследователи рассматривали особенности репрезентации семейных отношений в ее прозе [Бакытжанова, 2020], языковые характеристики текстов [Грунистая, 2021; Жихарева, 2022; Шедко, 2025], жанровую специфику [Жуй Ли, 2024]. Роман «Женский день» не подвергался научному анализу.

В Азербайджане книги М. Метлицкой можно прочитать только на интернет-ресурсах, в то же время их популярность в линейке произведений женской прозы позволяет рекомендовать данного автора для прочтения студентам-филологам в курсе изучения современной русской литературы. В статье Г. М. Гогоберидзе приводятся данные опроса молодежи Москвы о популярности современной литературы (вне зависимости от пола): М. Метлицкая входит в список тридцати авторов «произведений современной отечественной художественной прозы, вызвавших наибольший читательский интерес среди московской молодежи» [Гогоберидзе, 2019, с. 68].

2. Материал, методы = Material, Methods

Материалом исследования стал роман «Женский день», изданный в 2015 году. Мы обратились к изданию 2022 года [Метлицкая, 2022], размещенному в открытом доступе, доступному для чтения и прослушивания. Поскольку текст размещен без указания страниц, в случае приведения примеров мы не даем в статье ссылки на источник.

Произведение рассматривается нами как социально-психологический женский роман. Мы опираемся на работу А. И. Рейтблата «От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы» [Рейтблат, 2009], где исследователь анализирует ряд произведений XIX—XX веков с учетом концепции массовой литературы как формульной Дж. Кавелти [Cawelti, 1976]. О формульном повествовании обычно исследователи говорят в отношении любовных романов: «Женский серийный роман — типичное формульное повествование, поскольку строится из заданного набора “формул” — повествовательных условностей, переходящих из романа в роман» [Душенко, 2000, с. 66]. В отношении произведений М. Метлицкой, литературоведы отмечают, что у нее «типичная для любовного романа мелодрама обретает форму житейских историй»

[Ли Жуй, 2024, с. 167], которые характерны для медийного формата: «формирование концепта “успешная женщина”», репрезентированного в романе, в массовой культуре «происходит под влиянием глянцевого журналов» [Раренко, 2025, с. 151]. Современный женский любовный роман, прошедший эволюционный путь от подражания западным «розовым романам» до самостоятельного творческого продукта «отразил новые представления о социальных ролях современной женщины, а также господствующие в обществе стереотипы об отношениях мужчины и женщины» [Черняк, 2004, с. 128]. При этом, как отмечают исследователи, рассматривая «уровень тематики, проблематики и сюжетной организации произведений, критики выделяют определенные штампы в создаваемых образах, сюжетах, конфликтах, говорят о предсказуемости финалов в “женской прозе”» [Курочкина, 2022, с. 30].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сюжетные линии романа «Женский день»: формулы любовно-психологической прозы

В центре повествования история трех героинь, воплощающих образ «успешной женщины», которых именно по этой причине пригласили на передачу, приуроченную к «женскому дню» — 8-е Марта. *«У них разные судьбы и разный путь к успеху. Но все они жены и матери. Все они прекрасны и успешны. И вполне достойны того, чтобы быть героинями нашей праздничной и, надеюсь, душевной и честной программы»*, — говорит четвертая героиня, ее читателю представляют подробно только в кульминационной части произведения. В начале автор сообщает о телеведущей только общие профессиональные сведения и, описывая манеру поведения, дает читателю возможность составить первоначальное представление о характере журналистки (*Тобольчина, словно застывшая кобра, неминуемо смотрела на Ольшанскую; — Какое же это счастье! — раскудachtалась Тобольчина; жестко ответила Тобольчина; ослабилась Тобольчина, обращая взор на Женю; Тобольчина демонически расхохоталась и др.*). Марина Тобольчина — ведущая популярной телевизионной программы, на которую пригласили трех других героинь. Именно эта программа стала катализатором как для их воспоминаний, так и для последовавших за ней событий. Интрига строится на формуле разоблачения героинь, за внешним благополучием которых скрываются тайны прошлого, тщательно скрываемые от внешнего мира. Удар наносится неожиданно, когда женщины ждут позитивной передачи о себе, думают, *«что “все будет светло и нежно”»*, как им обещали: *«Я вас уверяю – все вырежем. Все, что вам не понравилось. Честное слово! Все вырежем и подчистим. Я вам обещаю!»*. Далее повествование реализуется в двух временных планах: настоящем, после передачи, и прошлом, в котором Аля, Вероника и Женя вспоминают свою жизнь. Ретроспективный план реализует три формулы: воспоминания о детстве героинь, отношения с мужчинами и замужество, а также карьерное восхождение.

3.1.1. Линия детства: формула «дочки-матери»

Детская линия фокусируется на влиянии судеб матерей на жизнь их дочек. Мать Александры Ольшанской покончила с собой после смерти сына, младшего брата Али, оставив дочь с отцом. Девочку забрали из военного гарнизона, где служил отец, бабушка и дедушка, живущие в Питере. При этом Але повезло: *«Жизнь у Ольшанских была чудесная. Але и мечтать не могла о подобной жизни»*. Маму ей заменила бабушка. После смерти бабушки Александре, уже взрослой, очень не хватало ее: *«А смерть бабушки... Бабушка была единственным родным человеком. Самым близким, самым любимым. И такое одиночество тогда навалилось, господи! Такая образовалась дырка в душе! Просто пулевое отверстие!»*. Тем не менее, несмотря на счастливый пример папиных родителей, которые в согласии прожили всю жизнь, женская судьба Али складывалась неудачно: первой страстной любовью стал порочный мужчина, второй — достойный, но нелюбимый человек, третьей — мужчина, изменивший ей, что и получило огласку в предпраздничной передаче, ставшей катализатором дальнейших событий. Повлияло ли на это отсутствие мамы и папы в ее жизни, не говорится, но очевидно, что модель семьи у Александры оказалась сломана: на первый план в ее жизни всегда выходили отношения с мужчинами, а детям, которых она родила от разных мужей, отводилась второстепенная роль. Результаты оказались неутешительными: *«Итог – в Питере осиротевшие старики и несчастный сын. В Москве почти взрослая дочь, которая не желает сесть с матерью за один стол»*.

Детская история Вероники Стрекаловой, потерявшей семью, когда пьющего отца на глазах у дочери зарубила топором нетрезвая мать, прошла в основном в детском доме. Единственными близкими людьми стали для нее не мама с папой, не родственники, которые отказались ее взять после трагедии в семье, а подруга по институтскому общежитию, в котором они вместе провели *«счастливую, прекрасную и такую недолгую жизнь»*, и профессор, оказавший влияние на ее профессиональное становление, хотя и *«был человеком со странностями — впрочем, как все гении»*. После освобождения из заключения мать не приехала к дочери, чему последняя была рада: *«Было понятно — мать за дочерью не спешит. Господи, неужели пронесло? Неужели не явится? Главное — чтобы не появилась до окончания школы. А там — там Вероника уедет, и мать ее не найдет. Никогда»*. У Вероники с матерью никогда не было близости, хотя отца она любила: *«А вот мать не любила. Никогда. Мать давала ей подзатыльники, крыла матюгами и взвалила на нее, соплюшку, огород и мытье посуды. И еще... Мать гуляла. И это знала вся деревня»*. Семейная трагедия, детский дом оказали влияние на мироощущение Вероники Стрекаловой: *«Те ужасы она потом старалась забыть — тренинг, психолог. Не получалось. До конца не получалось. Двадцать пять лет ее тошнило от запаха подгорелого молока, гречневой каши и хлорки. Двадцать пять лет она не могла слышать брабурную музыку. Потом каждое утро, проснувшись, она оглядывала подушку и удивлялась, что*

на ней не стоит чернильный штамп детского дома. Двадцать пять лет она боялась, что от голода не уснет, и держала в прикроватной тумбочке дорогой итальянской спальни горбушку черного хлеба. Двадцать пять лет она не верила, что это — ОНА». Несмотря на тяжелое детство, семейная жизнь Вероники оказалась благополучной: любящий муж, «сын Данечка», теплые отношения со свекровью, на что, возможно, повлияла цельность характера, понимание ценности семейной любви: «То, чего у нее никогда не было. И еще — огромное человеческое счастье. Которое она, Вероника, выстроила своими руками. Все — от начала и до конца». Однако свое прошлое героиня держала от семьи в секрете — «духу не хватило». И именно этот секрет обнародовали в телепередаче, в которой приняла участие Вероника накануне женского праздника.

В детстве третьей героини Евгении Ипполитовой не было трагичных историй с летальным исходом, но у нее была своя драма, потому что ее яркая мать — Елена Ивановна — дочкой «была недовольна. Внешностью, это было ее твердое убеждение, Женя не удалась. Серая мышь. Тощая, голенастая. “Ни изюма, ни огня”, — повторяла она». И даже когда Женя стала популярным писателем, мать обесценивала ее успех. Не поддерживала Елена Ивановна дочь и когда та удочерила девочку, более того, вела себя враждебно по отношению к Жене и ребенку.

Надо отметить, что отцы в жизни всех героинь также не принимали участия: Александру после смерти жены отец отдал своим родителям и общался с ней крайне редко, отец Вероники погиб, когда ей было восемь лет, а у отца Евгении «было три страсти, три любви — мать, кактусы и пироги», жизнь дочери в круг его интересов не входила.

У журналистки Марины Тобольчиной отца тоже не было, но это единственная героиня, у которой отношения с матерью не носили негативный характер. Сбежав из маленького провинциального города в Москву, в трудные минуты она вспоминала дом: «Дома — мама. Своя кровать, свой стол и свой шкаф. Мамины щи и пирожки с повидлом. Ее причитания и ее любовь. Ее жалость». По сути, убегала она не от мамы, а из провинции, где «жизнь у всех НА ВИДУ. И это раздражало ее больше всего». Но воспоминания о маме всегда репрезентированы в позитивном ключе: «Мама бы помогла — еще как помогала!; Мама, как всегда, ни на что не жаловалась, только сетовала, что очень скучает, уточнила, что не виделась они уже одиннадцать месяцев, и Марина, удивившись, спросила: — А ты что, считаешь? — Я не месяцы считаю, доченька. Я считаю часы!» и др. И в конечном счете, именно мама помогает Марине посмотреть на историю публичного разоблачения тайн трех героинь программы как на безнравственную историю: «— Да теток этих, актрису, писательницу и докторицу. Зря ты их так. Хорошие тетки. Умненькие. Хлебнули достаточно — а тут еще ты... Размазала ты их, Марина! Просто по столу размазала. А зачем? Разве они кому-то плохое сделали? Сами несчастные. Кто, как не ты, их можешь понять? Сама ведь всего добила. Из города нашего кто так успешно, как ты, жизнь постро-

ил? Хотя... Что говорить! Это соседи наши и подружки твои думают, что у тебя все хорошо. А я, мать, знаю. Чувствую! Как у тебя все несладко. Что у тебя, доченька, есть? Карьера твоя? Есть, правда. Только... Недоброе все это как-то... Нечеловеческое. С запахом. Чтoб так – и с людьми!».

Формулы влияния семейной жизни в детском возрасте на будущее становление женщины: равнодушие матери, физическое или духовное отсутствие отца, пережитое свидетельство насилия — в романе узнаваемы, они репрезентируются и в других произведениях женской прозы, например, Марии Арбатовой, у которой тема сложных отношений матери и ребенка является одной из линий ряда книг «Визит нестарой дамы», «Мне сорок лет», «Прощание с XX веком. Автобиографическая проза» и др.; Марины Вишневецкой, которая в рассказе «Увидеть дерево» ощущает «в собственных любовных и педагогических неудачах отзвук “проходящей” судьбы матери» [Ганна Улюра, 2014] и др. В этих книгах в основном именно персонажи дочерей «реализуют право голоса; взгляд с позиции “мать — дочь” — явление более редкое» [Там же], при этом «озвученное воспоминание в женском тексте создает дискурс, адресованный в идеале самой себе, а в плане горизонтов ожидания — читательнице, имеющей общий с рассказчицей опыт или способной его вообразить» [Там же]. Как отмечают исследователи, литературная формула «мать — дочь» характерна для произведений разных временных пластов с сохранением основного мотива: «Общим для писательниц отдаленных друг от друга эпох является склонность изображать дисгармоничные материнско-дочерние отношения, окрашенные амбивалентными чувствами “любви-ненависти”, сильной взаимной привязанностью и безнадежным стремлением преодолеть ее» [Павлова, 2013, с. 65]. У М. Метлицкой формула «мать—дочь» реализуется в интервью матери Вероники, которое показали в шокировавшей всех предпраздничной программе и в представлении второстепенной героини — педикюриши Ольшанской по имени Наташа, которую вводят в кульминационной части. Женщина пережила предательство мужа («*муж, ради которого она и билась как рыба об лед все эти годы, свалил к подружке их общей дочери*»), однако самым страшным стало, «*что Олечка, единственная, любимая, холеная и лелеяная дочка, перешла в стан врага — ни с папашей, ни с лучшей подругой отношений не разорвала ни на минуту*». А на вопрос матери о любви к ней она заявила, что мама от нее никуда не денется. Однако Натали вычеркнула ее из своей жизни. В отношении оценки этой истории автор говорит: *Когда предают мужики — ну, это все знают. Это можно пережить, можно. Страшно, тяжело, гнусно, но... можно. А вот когда предает ребенок... Тогда кончается жизнь.* Александра и Женья тоже рефлексуют по поводу отношений с дочерьми, но ведущей все-таки является формула «дочь—мать», которая объясняет в некоторой степени основы успешности героинь.

Подобные житейские истории медийных и немедийных лиц транслируются зрителям и в российских телевизионных передачах типа «Пусть говорят»,

«Секрет на миллион» и др.; обсуждаются в подкастах и видеоблогах, например, «Сама Меньшова», «Подкаст №30. Нелюбимая дочь безразличной матери», «Музыкальный разговор с Татьяной Мужикой» и др.

3.1.2. Линия любви: формула разочарования

Основной мотив любовной линии облекается в формулу разочарования. Только у одной героини из четырех — врача Вероники Стрекалиной — очень удачно складывается личная жизнь, можно сказать, что она здесь исключение из правила. У остальных женщин: Александры Ольшанской, Евгении Ипполитовой и Марины Тобольчиной — любовные истории заканчиваются разочарованием в партнере. При этом реализуются разные модели отношений. В первой — у красавицы-актрисы несколько страстных историй в молодости, в которых мужчина либо изменяет, либо пьет, либо и делает и то и другое; одна история замужества без любви. И в качестве кульминации брак с состоятельным мужчиной: *«Впервые она не думала о деньгах — ну, разумеется. Впервые чувствовала себя защищенной. Впервые не надо было волноваться о завтрашнем дне. Впервые она не хваталась за любую работу»*. Однако и эти отношения заканчиваются банально — его изменой с молодой женщиной, родившей ему ребенка; просьбой о прощении и собственно прощением. И здесь имеет место формульность: благополучный конец последней любовной истории.

Отношения с женатым мужчиной, продюсером канала, стали, с одной стороны, карьерным трамплином, а с другой — причиной бездетности и разочарования в любви для Марины Тобольчиной: *«Маринин босс и любимый. Сволочь, гад, лгун и подлец. Тот, кто “сделал” ее и... сломал как сухую ветку. Царь и бог. ... Как женщину он ее уничтожил. Оставив бездетной и одинокой»*. Здесь также реализуется несколько частных формул, наполняющих общую формулу разочарования в любви: «отношения с женатым начальником» (*«Он сделал из нее известную телеведущую. Помог — и как помог! — в карьере»*), «многолетней послушной любовницы, которая надеется на его развод, хотя никаких видимых причин для этого нет» (*«Она превратится в любовницу. Правда, есть легкий душок в этом слове? Нет-нет, ничего плохого! Но... все-таки что-то есть. Обидное, что ли? Стойкое. Непривлекательное. Жалкое даже. То, что лишит ее навсегда права на семью и детей»*), «появления молодой соперницы» (*«А спустя примерно полгода она узнала, что у него новая фаворитка»*).

Семейные отношения с мужем привели к разочарованию и Евгению Ипполитову, пережившую с супругом разные времена: и счастливые в начале жизни (*«Все эти годы вспоминались как сплошное счастье. Счастье и любовь. Никита был нежен, заботлив и щедр»*) и трагичные: без детей (*«Восемь лет. Восемь лет ожиданий, разочарований, слез и семейных ссор. Восемь лет. Они стали отдаляться друг от друга, про себя обвиняя, разумеется, партнера»*), после удочерения Маруси (*«Сердцем и душой Маруську он так и не принял»*), рухнувшей карьеры мужа из-за предательства товарища (*«В ту ночь, в первую ночь дома, Никита признался, что*

больше всего его потрясла не потеря всего — абсолютно всего, что у них было, не позор, не ужас предварилки, а предательство того самого товарища»). В результате «он лег на диван и просто сложил на груди руки. Теперь это была его любимая поза», и она понимает: «Как неожиданно все развалилось. Как быстро, незаметно, почти мгновенно! Вчера была семья, а сегодня вот нет! Ни семьи, ни любви. Ничего. Он в кабинете, у себя. Она — у себя. Их вместе теперь нет».

Еще одной формулой является «диалог героинь с внутренним Я» в форме мысленного или проговариваемого текста под влиянием внешних обстоятельств. Узнав об измене мужа, Александра Ольшанская пытается осмыслить свои отношения с ним, его измену, найти причины разлада в семье, например: *«Господи, какая же дура! Столько звончков, а она... Ни сном ни духом! Потом, когда в голове сложился печальный пазл, стала думать — а как вообще все это возможно? Нет, она все понимает! Мужики полигамны, он достаточно молод, крепок и жизнелюбив. Здоров, богат. И все же... Ведь он любит ее. Любит, безусловно любит! Такой, как он, вряд ли бы притворялся».* Марина осмысливает свою жизнь под влиянием снятой разоблачительной передачи, после которой она понимает, что очень устала: *«Как там поет певица? Одиночество — мука? ... Вот именно, именно так. Сорок лет. Точнее, почти сорок один. Через полтора месяца. Ни мужа, ни ребенка, ни семьи. Ничего. Чего ты так рвалась сюда, Марина? Конечные цели? Карьера? И только?».* Женя ведет диалог с собой после просмотра сюжета об удочерении ее семьей Маруси, о чем девочка до программы не знала: *«Вот и прикинь, что к чему, и сопли утри. Предательство? Да брось ты! Предать могут близкие. А все остальные ... Забудь. И забудется. Переживут. Кстати, все. Телезрители — сегодня же. Точно. Своих забот полон рот. Поохают, покрхтят у телика, и все в трубу, как и не было <...> Что уж такого невыносимого? А все. Вся жизнь коту под хвост, вот что. И ничего у тебя, если разобраться, милая, нет. Ни мужа, ни семьи».*

Семейная жизнь Вероники в ряду историй героинь стала исключением из правила. Она сложилась благополучно: любящий, понимающий муж, прекрасная свекровь, которая взяла на себя ведение хозяйства и заботу о внуке, пока невестка занималась карьерой. Как будто бы жизнь компенсировала ей тяжелое детство счастьем во взрослой жизни, ровно так, как говорила ей ближайшая подруга детства: *«Все. Достаточно. Ты столько дерьма за свою жизнь съела, столько горя видела-перевидела, что и переварить сложно. Каждый выпивает свою чашу. Вот и считай, что ты свою выпила. И теперь впереди будет одно сплошное счастье. Ты меня поняла?».* Вероника тоже постоянно ведет внутренний диалог. Например, после передачи, в которой раскрыли секреты трагедии в ее семье, детдомовского детства и намекнули на предательство Вероникой своего учителя, в первые минуты она думает о самоубийстве: *«— Интересно, — подумала она, — а как это — одним разом? Махом одним? Раз — и ее нет. И вместе с ней нет боли, страха, обмана. Нет больше стыда. Вот самое главное! <...> Есть же*

Данька! Как она могла ТАКОЕ подумать? Есть все то, чего у нее никогда раньше не было. Есть семья и есть Вадик. Или уже всего этого нет?».

Постоянная саморефлексия героинь, спровоцированная записью предпраздничной передачи и впоследствии ее просмотром, позволяет говорить о произведении как о психологическом женском романе, поскольку «психологическому повествованию свойственно мотивирование внутренних состояний героев с помощью внешних событий» [Осьмухина и др., 2025, с. 3840].

3.1.3. Линия карьеры: формула «вопреки обстоятельствам»

Линия детства героинь, обозначенная в книге формулой «*Все мы из детства. И наши комплексы — в том числе*», отношения с матерью, мужчинами и детьми определяют во многом, судя по историям героинь, их карьерный рост. Так, желание вырваться из морока семейных отношений, детского дома обуславливает во многом успех врача, доктора наук, главы института Вероники Стрекаловой: «*То, что ей надо выбираться из всего этого, она поняла рано, лет в семь. Тогда она жила еще в поселке и, если можно так выразиться, в семье. Приватное было обычным поселком Зауралья — довольно далеким от областного центра, небогатым и полуразрушенным*». Однако в отличие от телеведущей Марины Тобольчиной, которая тоже убежала из провинциального города и сделала карьеру во многом благодаря помощи мужчины, «*Вероника понимала — надо учиться. Если будет успевать в школе, открыта дорога в город. Пусть не в столицу, а в районный или областной. А дальше — столица. Все зависит только от тебя. Сможешь — прорвешься. Не сможешь — погибнешь. На такое насмотрелась — на десятерых хватит*». Женя всю жизнь доказывала матери, что она чего-то стоит: «*Женя часто думала, что замуж она вышла назло. Назло матери, чтобы доказать ей. А однажды задумалась — а книги? Книги — не для того же? Ее, так сказать, творчество? Ее прорыв — нереальный, невозможный? То, что она стала известной писательницей? Без всякого блата и чьей-то поддержки? Почти в сорок лет? <...> Хотя один проект матери оказался удачным. Неожиданно удачным. Хотя Елена Ивановна, похоже, так не считала*». Таким образом, можно сказать, что три героини реализуют формулу «вопреки обстоятельствам».

И только творческий путь Ольшанской представляется, скорее, формулой «благодаря обстоятельствам»: дедушка — известный питерский актер, связи в мире искусства, деятельная бабушка, красивая внешность и коммуникабельность Али. Тем не менее в кульминационной части сама она о себе думает: «*Роли дурацкие, “мыльные”. След в искусстве, смешно! Все обнулилось, обесценилось, девальвировалось, превратилось в труху, в пыль и в дерьмо. Здорово, да? Понять все это и признать себе*».

3.2. Успешная vs. остальные

Слова с корнем *успех* активно употребляются в предпраздничной передаче. Они звучат, как правило, из уст Марины Тобольчиной, которая говорит об успехе как о некой абсолютной ценности, а о его обладательницах как об априори

прекрасных женщинах: *«Красавица, умница и очень успешная женщина»*; *«У них разные судьбы и разный путь к успеху. Но все они жены и матери. Все они прекрасны и успешны»*; *«Нашим зрителям интересно знать именно правду про своих современниц. Красивых, успешных, достойных!»* и др. Основными критериями оценки женщины как успешной становятся в романе известность, наличие поклонников (*«Расскажите своим поклонникам, любите ли вы магазины»*; *«Народ вас любит; представляю вам моих сегодняшних гостей. Хотя в предствлении они не нуждаются»*; *«Каждый раз, видя Александру на экране, мы восхищаемся ей, стремимся походить на нее и просто ее обожаем»*; *«Наш любимый писатель»*), состоявшаяся карьера (*«и преподавать, и руководить институтом, и даже принимать тяжелые роды»*; *«Ты Евгения Ипполитова! Звезда российской прозы и любимца тысяч женщин. И даже мужчин. И тиражи у тебя, матушка!»*), семья (*«К тому же вы любящая жена и мать прекрасного сына»*; *«Но все они жены и матери»*; *«Прекрасные дети, замечательный муж»*). В медийной части сюжета, в телепрограмме, транслируются несколько парадоксальных установок: заявляется ценность успеха как такового и проецирование успешности на другие стороны жизни героинь, что не подтверждается их историями. С одной стороны, телевизионные медиа культивируют успешность, с другой — они сами стремятся разрушить красивую картинку, более того, доказать, что жизни героинь обладают изъянами, по сути, обесценить их успешность (*«Эти красавицы, умницы и небожительницы — самые обычные женщины»*).

Декларируется, что все это делается *«для нас, простых смертных»* — обычных женщин, которые априори как будто бы объявляются неуспешными. Появляется еще один собирательный образ тех, кто находится по другую сторону экрана — *«обычные женщины»*: *«И что же мы поняли? Что наши прекрасные гости, женщины успешные, достойные и самодостаточные, почти такие же, как мы, самые обычные женщины!»*.

Таким образом, в романе формируется, во-первых, оппозиция «успешная женщина — обычная женщина», в которой первая *красива, достойна, самодостаточна* (эти характеристики часто повторяются), а вторая — просто самая *обычная*, и появляется ощущение, что в таких качествах, как красота, достоинство и самодостаточность ей отказано. Во-вторых, создается амбивалентный образ успешной женщины, которая при декларируемости семейного счастья как критерия успеха в большинстве своем несчастна в личной жизни (исключение составляет только Вероника Стрекалина). В этом отношении «обычная» Натали мало чем отличается от «успешной» Александры, которой делает педикюр, а также Евгении и Марины. В целом образы романа создают ощущение тотальной «несчастности» всех женщин с той и другой стороны экрана. Это впечатление нивелируется в развязке истории, которая заканчивается в соответствии с формулой счастливого конца: героини подружились, главные антагонистки Ольшанская и Тобольчина стали даже работать вместе. В этой части одной из доминантных формул «массовой литературы

оказывается эскапизм, уход от реальности в другой, более комфортный, мир, где побеждают добро, ум, красота и сила» [Черняк, 2004, с. 116].

4. Заключение = Conclusions

Мы согласны с утверждением М. А. Черняк, согласно которому, «не представляя сколь-либо заметных художественных достижений, русский любовный роман воспроизводит своеобразный слепок эпохи, демонстрирует рожденную в соответствии с гендерными канонами модель личности нового века» [Черняк, 2004, с. 128]. Один из популярных образов XXI века «успешная женщина» находит воплощение как в литературном, так и в медийном пространстве, при этом можно предположить, что их характеристики сходны. В данной статье был рассмотрен литературный образ успешной женщины, в представлении которого выявлена определенная формульность.

Мы выделили ряд формул, которые репрезентируют сюжетные линии семьи успешной женщины, ее отношений с мужчинами и карьеры:

— семья: «дочки-матери» представляет, в первую очередь, проблему сложных взаимоотношений с матерью глазами дочери; женщина всем должна (родителям, мужчинам, детям, обществу); семейная жизнь в детском возрасте влияет на будущее становление женщины — все мы из детства (равнодушие матери; физическое или духовное отсутствие отца; пережитое свидетельство насилия);

— любовь: разочарование в отношениях; связь с женатым мужчиной (начальником); многолетняя послушная любовница, которая надеется на его развод; отношения с богатым мужчиной; появления молодой соперницы; отношения с разочарованным женщиной;

— карьера: вопреки обстоятельствам; благодаря обстоятельствам; благодаря влиятельному мужчине; благодаря целеустремленности.

Кроме того, можно выделить несколько общих формул, участвующих в создании женского социально-психологического любовного романа: саморефлексия героинь; эскапизм; декларируемая успешность, противопоставляемая обычности.

В дальнейшем исследование образа успешной женщины возможно в нескольких направлениях: в изучении его репрезентации в других произведениях женской прозы, сопоставлении с его воплощением в мужской прозе, а также в выявлении сходных и различных черт образа в литературных текстах и медийном пространстве.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Метлицкая М. Женский день / М. Метлицкая. — Москва : ЭКСМО, 2022. — 295 с. — Режим доступа : <https://books.yandex.ru/books/JWyrdjvm?ysclid=mrjtjaqnd7762091616> (дата обращения: 01.04.2026)

Литература

1. Айтекова А. М. Языковая актуализация невербальных компонентов образа успешной женщины в художественном дискурсе / А. М. Айтекова // Современный ученый. — 2024. — № 3. — С. 184—189. — DOI: 10.58224/2541-8459-2024-3-184-189.
2. Бақытжанова Ж. М. Типология семейных отношений в прозе М. Метлицкой / Ж. М. Бақытжанова // Евразийский союз ученых. — 2020. — № 10—4 (79). — С. 42—46. — DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.79.1058.
3. Ганна У. Смерть матери в работе воспоминания (на материале русской женской прозы) / У. Ганна // Новое литературное обозрение. — 2014. — № 6. — Режим доступа : <https://nlobooks.ru/article/11492/> (дата обращения 03.04.2026).
4. Гибадуллина Л. З. Языковые особенности современной женской прозы (гендерный аспект) / Л. З. Гибадуллина // Вестник Башкирского университета. — 2010. — Т. 15. — № 3—1. — С. 995—996.
5. Гогиберидзе Г. М. Исследование динамики читательской культуры современной российской молодежи / Г. М. Гогиберидзе // Вестник МГПУ. Серия : Философские науки. — 2019. — № 3 (31). — С. 64—72. — DOI: 10.25688/2078-9238.2019.31.3.08.
6. Грунистая А. Р. Частотность лексических и грамматических единиц, выражающих речевую агрессию, в рамках косвенных речевых актов русскоязычной и англоязычной современной прозы (на материале Романов Мариин Метлицкой "в тихом городке у моря" и Фионы Бартон "Вдова") / А. Р. Грунистая // Смоленский филологический сборник. — 2021. — № 13. — С. 206—215.
7. Жихарева Н. А. Распространенность использования феминного и маскулинного типов речевой агрессии в современной прозе (на примере романов Мариин Метлицкой «в тихом городке у моря» и Дины Рубиной «Маньяк Гуревич») / Н. А. Жихарева, А. Р. Грунистая // Восточнославянская филология. Языкознание. — 2022. — № 14 (40). — С. 57—64.
8. Жуй Ли. Житейские истории М. Метлицкой : к вопросу о специфике жанра / Жуй Ли // Человек. Культура. Образование. — 2024. — № 3 (53). — С. 163—175. — DOI: 10.34130/2233-1277-2024-3-163.
9. Курочкина А. В. Поэтические особенности современной "женской прозы" / А. В. Курочкина // Направитие. Наука и образование. — 2022. — № 9 (12). — С. 29—31. — DOI: 10.37539/2782-3075.2022.12.9.002.
10. Осьмухина О. Ю. Феномен психологизма в романе О. Славниковой «Прыжок в длину» / О. Ю. Осьмухина, Д. Ю. Гагарина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18. — № 9. — С. 3839—3844. — DOI: 10.30853/phil20250528.
11. Павлова Н. И. Материнско-дочерний метасюжет русской женской прозы / Н. И. Павлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2013. — Т. 13. — № 3. — С. 64—69.
12. Раренко А. А. «Успешная женщина» в России versus «успешная женщина» в Китае / А. А. Раренко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2025. — № 1 (895). — С. 149—154.
13. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы / А. И. Рейтблат. — Москва : Новое литературное обозрение, 2009. — 448 с. — ISBN 978-5-86793-684-6.
14. Черняк М. А. «Новые сказки» о Золушке : типологические черты русского любовного романа рубежа XX—XXI веков / М. А. Черняк // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2004. — Т. 4. — № 7. — С. 115—129.
15. Шедко Е. А. Способы формирования концепта <дом> в сознании человека (на примере романа М. Метлицкой «И все мы будем счастливы») / Е. А. Шедко // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира : сборник научных трудов. — Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2025. — С. 146—150.

16. Cawelti J. G. Adventure, mystery and romance : Formula stories as art and popular culture / J. G. Cawelti. — Chicago and London : University of Chicago Press, 1976. — 336 p.

Статья поступила в редакцию 23.03.2026,
одобрена после рецензирования 09.07.2026,
подготовлена к публикации 28.07.2026.

Material resources

Metlitskaya, M. (2022). *Women's Day*. Moscow: EKSMO. 295 p. ISBN 978-5-04-235784-8. (In Russ.).

References

- Aitekova, A. M. (2024). Linguistic actualization of non-verbal components of the image of a successful woman in artistic discourse. *A modern scientist*, 3: 84—189. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-3-184-189. (In Russ.).
- Bakytzhanova, Zh. M. (2020). Typology of family relations in the prose of M. Metlitskaya. *The Eurasian Union of Scientists*, 10—4 (79): 42—46. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.79.1058. (In Russ.).
- Cawelti, J. G. (1976). *Adventure, mystery and romance: Formula stories as art and popular*. Chicago and London: University of Chicago Press. 336 p.
- Chernyak, M. A. (2004). “New tales” about Cinderella: typological features of the Russian love novel of the turn of the XX—XXI centuries. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, 7: 115—129. (In Russ.).
- Ganna, U. (2014). The death of a mother in the work of memoirs (based on the material of Russian women’s prose). *New Literary Review*, 6. Available at: <https://nlbooks.ru/article/11492/> (accessed 03.04.2026). (In Russ.).
- Gibadullina, L. Z. (2010). Linguistic features of modern women’s prose (gender aspect). *Bulletin of the Bashkir University*, 15 (3—1): 995—996. (In Russ.).
- Gogiberidze, G. M. (2019). A study of the dynamics of the reading culture of modern Russian youth. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical sciences*, 3 (31): 64—72. DOI: 10.25688/2078-9238.2019.31.3.08. (In Russ.).
- Grunistaya, A. R. (2021). The frequency of lexical and grammatical units expressing verbal aggression within the framework of indirect speech acts in Russian and English-language modern prose (based on the novels of Maria Metlitskaya “in a Quiet Town by the Sea” and Fiona Barton’s “The Widow”). *Smolenskiy Philological Collection*, 13: 206—215. (In Russ.).
- Kurochkina, A. V. (2022). Poetic features of modern “women’s prose”. *National Development. Science and education*, 9 (12): 29—31. DOI: 10.37539/2782-3075.2022.12.9.002. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Gagarina, D. Y. (2025). The phenomenon of psychology in O. Slavnikova’s novel “The Long Jump”. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 18 (9): 3839—3844. DOI: 10.30853/phil20250528. (In Russ.).
- Pavlova, N. I. (2013). The mother-daughter meta-plot of Russian women’s prose. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Philology series. Journalism*, 13 (3): 64—69. (In Russ.).
- Rarenko, A. A. (2025). “Successful woman” in Russia versus “successful woman” in China. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1 (895): 149—154. (In Russ.).
- Reitblat, A. I. (2009). *From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature*. Moscow: New Literary Review. 448 p. ISBN 978-5-86793-684-6. (In Russ.).
- Shedko, E. A. (2025). Ways of forming the concept of “home” in human consciousness (on the example of M. Metlitskaya’s novel “And we will all be happy”). In: *Problems of conceptualizing reality and modeling the linguistic picture of the world: a collection of scientific papers*. Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education. 146—150. (In Russ.).

- Zhikhareva, N. A., Grunistaya, A. R. (2022). The prevalence of the use of feminine and masculine types of speech aggression in modern prose (on the example of the novels by Maria Metlitskaya “in a quiet town by the sea” and Dina Rubina “Maniac Gurevich”). *East Slavic philology. Linguistics*, 14 (40): 57—64. (In Russ.).
- Zhui Li. (2024). The everyday stories of M. Metlitskaya: on the question of the specifics of the genre. *Man. Culture. Education*, 3 (53): 163—175. DOI: 10.34130/2233-1277-2024-3-163. (In Russ.).

*The article was submitted 23.03.2026;
approved after reviewing 09.07.2026;
accepted for publication 28.07.2026.*